

Андреев Леонид Николаевич

16.11.96.

РУССКАЯ КЛАССИКА
ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

Фестиваль театров России, посвященный 125-летию со дня рождения писателя

1. Огня 27 сентября — 4 октября 1996 г.

ФЕСТИВАЛИ

Елена СИЗЕНКО

Почти забытая в силу разных причин нашим театром драматургия. Имя, несущее в себе загадку. Странная слава с налетом чисто русского скандала, экзальтации и брезгливого неприятия. Даже в Орле, на родине Андреева, незадолго до фестиваля, посвященного 125-летию со дня рождения писателя, раздавались сомневающиеся голоса: ко времени ли?

А между тем — Петербург, Москва, Челябинск, Нижний Новгород, сам Орел — вот впечатляющая, правда, далеко не полная география, представленная на фестивале. Она, как зеркало, но, слава Богу, не революции, а нашего общего интереса к этому имени, к этой судьбе, к этим трагическим пророчествам. Ежевечерние аншлаги, долгие аплодисменты в конце спектаклей. И это несмотря на то, что для неискушенного зрителя драматургия Андреева — это тот "вес", взятый который с первой попытки непросто. Как непросто из шумного дня, примелькавшейся повседневности шагнуть в "бездну" "проклятых вопросов" и тайн подсознания, окзаться один на один с Вечностью и Вселенной. А усложненность символами, перенасыщенность метафорами? Есть от чего прийти в замешательство...

А, может быть, как раз наоборот? И театры уловили это витающее в воздухе настойчивое стремление с помощью Андреева выйти за пределы обыденности? И, как знать, не вернулась ли та ситуация, о которой Станиславский когда-то писал: "Настало время для ирреального на сцене..."

Уже первый спектакль, показанный хозяевами — Орловским театром им. И.С.Тургенева, "Василиса Петровна" ("Не убий"), определил особенности этого "ирреального" сегодня. Режиссер Б.Голубицкий увидел в этой малоизвестной пьесе, ее героине знак времени. На сцене — мир, сдвинутый со своих привычных осей, огромная черная дыра, на фоне которой человек даже не нечто, а ничто. Василиса Петровна, какой сыграла ее актриса Т.Попова, несет в себе пронзительное ощущение этой всеобщей "сдвинутости". Она живет, словно в угаре, особой реальности, где все перепутано, перемешано — сон, явь. Устало брошено в кресло хрупкое, из-

Культура - 1996 - 16 нояб. - С. 12
Время Леонида Андреева

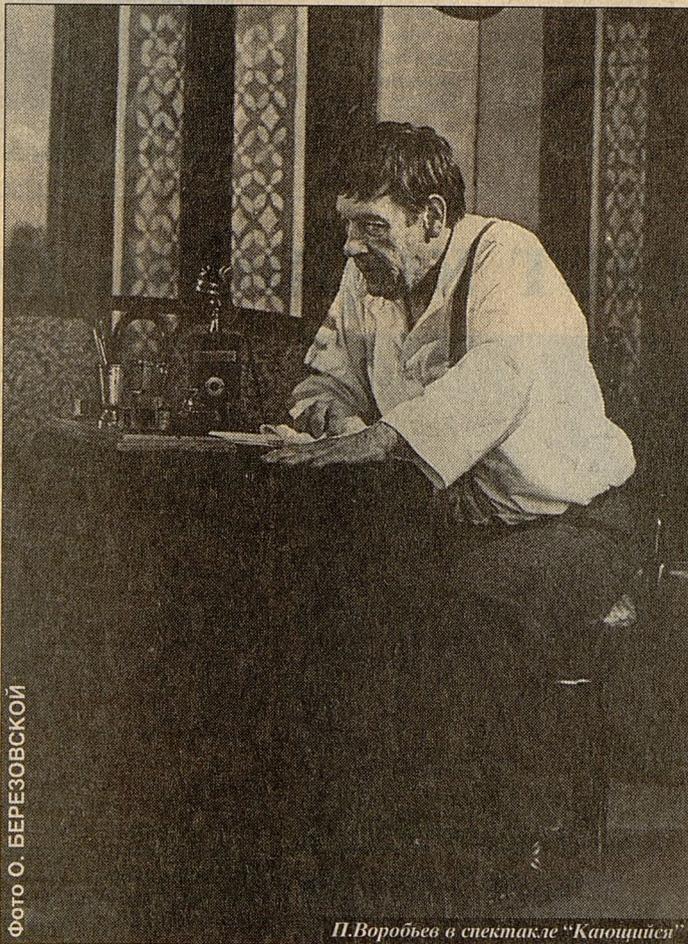

Фото О. БЕРЕЗОВСКОЙ

П.Воробьев в спектакле "Кающийся"

мученное тело. Устало звучит капризный, изломанный голос. В нем — надсада, отращивание к прошлому, ненависть к настоящему и безумная жажда реванша.

Классическая трагедия спускается здесь с философских высот и становится достоянием этой простой экономки, домоуправительницы помещика Кулабухова, омерзительного и жалкого существа. Именно Василисе Петровне предстоит решить — "зачем живет такой человек". Со всей откровенностью в спектакль вторгается идея вседозволенности, столь неотвратимо присутствующая в русском сознании. Насилие во благо, насилие ради будущего — вот мучительный и сладкий соблазн, дурманящий сознание героини...

И вот "заметался пожар голубой". Сцена на постоялом дворе, уже после случившегося — одна из лучших во всем фестивальном постижении Андреева. Азарт крушения и саморазрушения, настоящий русский бред — трагический и безысходный — входит в свои права. Здесь в пьяных цыганских плясках с девчонками — "босоножками" — отчаяние и мука христианской души. Вогль богооставленности делает все более очевидным второе название спектакля — "Не убий". Не задави в себе живую душу, столь легко вступающую на путь ожесточения. Прозрение, покаяние — все это будет, но как трудно оно дается помертвевшим губам героини в финале. Суд людской, суд божий в этой многонаселенной сцене сходятся воедино и, кажется, свершают невозможное — не казня и не возвышая — воскрешают надежду...

Показанная на фестивале андреевская "Мысль" (Московский театр ФЭСТ) и сразу

две инсценировки повести "Иуда Искариот" (московский театр "О'КЕЙ" и петербургский театр "Карточный домик") в сущности несут в себе ту же тему — человек в переломное время. Его одиночество, потерянности, мятущееся, раздвоенное сознание. И та же власть разрушительных "идей", то же отчаянное богоборчество, которое оборачивается здесь таким духовным опустошением, что делает само "освобождение" бессмысленным, а свободу — постылой.

Впрочем, иногда эта тема, заявленная столь бесстрашно в начале, принимает и несколько комический оттенок в ходе сценического воплощения. Анфиса Петровна — еще один вариант такой сильной личности. Неотразимо желанная и мятежная, она — в спектакле Челябинского театра "Анфиса" — всего лишь роковая женщина со всеми вытекающими отсюда "последствиями". Замечательная актриса В.Качурина и дышит самоотверженно, и гипнотически, почти, как Джуна, смотрит на своего избранника, и в черных туфельках захватывающе стремительно... Но не имеет ни места, ни времени, чтобы рассказать зрителю о себе, выговорить право на трагедию.

И как-то сам собой "вытанцовывается" один из главных фестивальных уроков. Господа режиссеры! Не бойтесь быть непонятыми! Не стремитесь к определенности любой ценой, оставляйте что-то "в уме", что не делится, не вычисляется, но составляет самую главную притягательность андреевской драматургии. Недаром же он мечтал о неподвижном, почти медитативном театре. Пусть будет таинство. Мистическая заразительность, мерцающий огонь сверхчувственных открытий. Тоска по несбыточному и невыразимому. В общем — нужны новые формы.

А когда потребности в них нет, то на сцене — андреевской сцене жизни — простая уголовщина или затертая до зеркального блеска самодостаточная буржуазная мораль. Что, собственно, и было продемонстрировано спектаклем столичного Театра им. Вл.Маяковского "Любовь студента" (по пьесе "Дни нашей жизни", режиссер Ю.Иоффе).

Трагическая история поколения, любви молодой девушки, вынужденной по воле матери зарабатывать на жизнь собственным телом, рассказана театром с

жарким придыханием и масляным блеском глаз. Мастеровито работающие актеры "с чувством" смакуют всевозможные пикантные подробности и, как мне кажется, даже не помышляют о том, ради чего была написана эта пьеса. Неважно, что в финале Андреев тянет к небесам, к мистерии, что земные страдания здесь залог чего-то большего. Гораздо важнее тот кассовый успех, который можно выжать на этой очень "современной" теме.

Какой наивной чепухой показались бы, наверное, иным режиссерам размышления одного из участников заключительной теоретической конференции о том, что нельзя приступать к Андрееву, буквально "не заболев им", не ощутив его как выстрадавшую внутреннюю необходимость.

Но был и еще один урок фестиваля. Хотя уроком его как-то и не назовешь. Было открытие подлинного Андреева — на самом деле очень разного и никак не укладывающегося в привычные о нем представления. На сцене Орловского театра, казалось, вновь обрели друг друга давно разошедшиеся дальние родственники, составив единство, целостность: философская притча и реалистическая зарисовка, интеллектуальная драма и ...комедии. Вернее, "Комедийки": "Кающийся" и "Упрямый попугай" — ритмически грациозные, заразительно веселые маленькие вариации на все те же, по сути, большие темы. За усложненностью, эсхатологичностью — вдруг обыкновенный человеческий голос. За жестким экспрессионистским рисунком — самоирония и простота. А мистический транс настоящего андреевского актера с особым комедийным шиком расцвели прекрасные орловские мастера А.Максимов, Н.Чупров и П.Воробьев. Как важнейшая примета времени прозвучала здесь откровенно и насмешливо подчеркнутая эклектичность — сочетание несочетаемого, сложение разнородного, — задав фестивалю верный смысловой "посыл".

У каждого фестиваля — свое лицо. У Орловского фестиваля "Русская классика" — оно благородно. В нем вдумчивость и спокойное достоинство. Может быть, потому, что у истоков его два человека, связанных между собой узами не только служебными, семейными, но и духовными. Он и Она — художественный руководитель Орловского театра им. И.С.Тургенева Б.Голубицкий и заведующая литературной частью театра О.Нестерова.

Русский мир, а тем более мир русской театральной культуры всегда спасался такими вот подвижниками, одержимыми "чудаками". Им не лень в заброшенном имени основателя театра графа Каменского разыскивать и восстанавливать дорогие им могилы, разметанные революционной разухабистой толпой. Не лень по клочкам создавать изумительный музей с маленькой изысканной сценой крепостного театра, где идут сейчас камерные спектакли, или работать со скульпторами, выстраивающими в фойе своеобразный пантеон русских писателей. Ежегодно ввергать себя в фестивальную горячку. И шире — заботиться об образовании Национального культурного центра по изучению классики на базе театра. Они возвращают нам разрозненные, утраченные страницы, поэтому и их имена не должны быть забыты...